V.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Описаніе путешествія, совершеннаго въ 1824 году, изъ Индіи въ Англію чрезъ Бассору, Багдадъ, развалины Вавилона, западныя берега Каспійскаго моря, Астрахань и проч. и проч. Капитаномъ Жоржомъ Кеппелемъ. Лондонъ 1827.

(*Извлеченіе*).

Хотя путь, по которому слѣдовалъ Авторъ, былъ уже пройденъ многими другими путешественниками и хотя объ этихъ странахъ есть уже множество сочиненій, особенно на Англійскомъ языкѣ, но предметъ сей далеко еще не исчерпанъ; притомъ Капитанъ Кеппель не все держался пробитой дороги, а видѣлъ и страны, мало извѣстныя Европейцамъ.

Авторъ сѣлъ на корабль въ Бомбеѣ въ Январѣ 1824 съ обществомъ, состоявшимъ изъ Гг. Кера, Бельи, Гамильтона, Ламба и Герша. Путешественникъ, не доѣзжая Бассоры, останавливается у Арабскаго Шейка. „Насъ очень забавляли, говоритъ онъ, умные отвѣты Шейкова сына, ре-

бенка лѣтъ трехъ. Между прочимъ мы спросили у него: Арабъ онъ или Персіянинъ? Недовольный такимъ сомнѣніемъ, малютка схватился за кинжалъ и вскричалъ съ сердитымъ видомъ: Слава Богу, я Арабъ! Этотъ отвѣтъ ребенка обличаетъ взаимную ненависть сихъ двухъ народовъ."

Изъ Бассоры, Капитанъ тянется бичевою вверхъ по Тигру къ Багдаду. Лодку его сопровождаетъ отрядъ Арабовъ. Онъ подаетъ путешественникамъ совѣтъ, который мы долгомъ почитаемъ сообщить нашимъ читателямъ.

„Хотя съ нами былъ порядочный запасъ напитковъ и мы охотники до бутылки, но рѣшились пить одну воду; и это было намъ такъ полезно, что во время ѣзды мы и послѣ ничего больше не пили; этой предосторожности приписываемъ мы сохраненіе здоровья, которымъ наслаждались въ продолженіе утѣшительнаго нашего путешествія и убѣдительно совѣтуемъ всѣмъ путешественникамъ замѣнить всѣ искуственныя питья натуральнымъ, но само собою разумѣется, что останавливаясь на нѣсколько времени въ одномъ мѣстѣ, они могутъ прекращать дорожную діэту."

Заключеніе таково; что можно и усомниться въ томъ, чтобы во время отдыха полезно было наверстывать за воздержаніе дорогою.

Но послѣдуемъ за нашимъ Авторомъ на пути къ Багдаду.

„Трое изъ нашихъ, говоритъ онъ, сошли на землю, чтобы поохотиться въ пустынѣ и забавлялись чрезвычайно. Зайцы, куропатки, бекассы поднимались со всѣхъ сторонъ. Въ четыре часа остановились мы въ кустарникѣ; скоро всѣ люди съ лодки и наша стража пришли рубить лѣсъ для топки. Во время этого занятія одинъ изъ нашихъ разбудилъ льва, который спалъ подъ тѣнью кустовъ. Страхъ его сообщился всѣмъ товарищамъ; всѣ бросились къ лодкѣ. Левъ убѣжалъ, и люди, которые тянули лодку, пошли впередъ по прежнему, не дѣлая ни малѣйшаго возраженія.

„Дичь всякаго рода, находящаяся вокругъ насъ во множествѣ, напоминала намъ, что мы были въ древнемъ царствѣ Немврода, *могущаго стрѣлка предъ Господомъ*. Мѣсто, по которому мы проходили, было, такъ сказать, завалено оною; на каждомъ шагу наши лодочники били пеликановъ, лебедей, гусей, утокъ, водяныхъ

куръ; мы видѣли кабановъ бѣгающихъ по всѣмъ сторонамъ: львица слѣдовала за нашею лодкою; она остановилась на нѣсколько минутъ и пристально на насъ смотрѣла. Г. Гамильтонъ и я выстрѣлили по ней въ разстояніи пятидесяти шаговъ; но какъ заряды были слабы, то мы не причинили ей никакого вреда. Выстрѣлы наши ее не испугали; она отошла тихимъ шагомъ."

Путешественники наши встрѣтили охотника съ гончими собаками; шерсть на этихъ животныхъ была мягка какъ шелкъ. Арабы очень любятъ собакъ, но какъ Магометъ велитъ почитать это животное нечистымъ, то неправовѣрные не смѣютъ къ нимъ прикасаться нигдѣ кромѣ верхней части головы, потому что только одного этого мѣста собака не можетъ, по ихъ выраженію, осквернить языкомъ своимъ. Хозяинъ сихъ собакъ былъ истинный феноменъ въ пустынѣ; Арабскій петиметръ, онъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ убралъ свой тюрбанъ и кафтанъ, выкрасилъ брови и надѣлъ по три и по четыре кольца на палецъ; говорилъ онъ какъ хвастунъ.

18 Марта Г. Гамильтонъ разлучился со своими товарищами, чтобы доѣхать въ

Багдадъ сухимъ путемъ. Проѣхавъ чрезъ нѣсколько Арабскихъ становъ, онъ въ девять часовъ вечера достигъ до широкаго канала, котораго берега были вышиною въ 30 футовъ. Онъ встрѣтилъ Арабскаго Вея, за которымъ шли четверо слугъ и несли соколовъ и вели собакъ. Г. Гамильтонъ пилъ съ новымъ своимъ знакомымъ кофе изъ золотой чашки. Арабъ былъ чрезвычайно учтивъ и обѣщался познакомить его при первомъ случаѣ съ соколиною охотою. Первую часть ночи Г. Гамильтонъ провелъ въ палаткѣ другаго Араба, у котораго были двѣ прекрасныя дочери. По входу въ палатку привели овцу; одна изъ прекрасныхъ хозяекъ подоила ее и подала ему молока. Потомъ въ самой высокой части палатки разостлали коверъ для гостя и подчивали его табакомъ, кофе, молокомъ, масломъ и жареною бараниною. Когда онъ отправился въ путь въ три часа утра, холодъ былъ такъ силенъ, что онъ принужденъ былъ сойти съ лошади и велѣлъ развести огни. Днемъ же, напротивъ того, жаръ былъ нестерпимый.

Въ полночь прибылъ онъ въ другой Арабскій станъ и былъ принятъ столь же гостепріимно; 19 поутру завтракалъ въ палаткѣ Шейка. Во время закуски, се-

му послѣднему сказали, что непріятельскій отрядъ увелъ нѣкоторыхъ овецъ его. Онъ тотчасъ схватилъ саблю и копье, взялъ у солдата мушкетонъ, вскочилъ на лошадь безъ сѣдла и въ минуту былъ уже въ пустынѣ.

20 Марта Г. Гамильтонъ прибылъ послѣ обѣда въ Багдадъ. Тутъ друзья снова соединились. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, они посѣщали монастырь Календеровъ. „Монастырь сей стоитъ на четверть мили отъ моста, говоритъ Г. Кеппель; строеніе онаго весьма красиво. На стѣнахъ есть множество надписей Арабскими и Куфическими литерами; дворъ наполненъ померанцовыми деревьями и виноградникомъ. Какъ скоро мы сошли съ лошадей, насъ тотчасъ повели къ настоятелю (Шейкъ-Календеру); онъ сидѣлъ на тигровой кожѣ; стѣны его комнаты были убраны древнимъ оружіемъ, приношеніемъ такъ называемыхъ правовѣрныхъ; у него видѣли мы также мѣдныя урны и страусовыя яица. На немъ былъ не большой тюрбанъ изъ бѣлой матеріи съ зеленымъ околышемъ, называемый *таджи дервишо*, (колпакъ дервиша); на другихъ монахахъ были тюрбаны такой же формы съ шишечками изъ краснаго шелка;

каждый Календеръ носилъ на шеѣ агатъ, не много по больше монеты въ пять франковъ; его называютъ *сингъ и толсемъ* (камень-талисманъ), другой не множко по больше, называемый *сингъ и канотъ* (камень-спокойствія), эмблема тихой жизни того, кто его носитъ, виситъ на поясѣ; наконецъ они носятъ еще овальный камень называемый *кумберіл*, который кладутъ съ ними въ могилу. Шейкъ былъ благовидный человѣкъ не высокаго роста, большой говорунъ и чрезвычайно живой; память его была обогащена множествомъ анекдотовъ; онъ долго путешествовалъ и весьма свободно говорилъ по Персидски. При нашемъ приближеніи онъ проговорилъ нѣсколько дюжинъ вольныхъ стиховъ, свидѣтельствовавшихъ его смиреніе; ибо онъ въ нихъ называлъ себя жидомъ, невѣрнымъ, плутомъ, пьяницею. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ длинную рѣчь, въ коей благодарилъ насъ за честь, которую сдѣлали мы своимъ посѣщеніемъ бѣдному дервишу, удалившемуся отъ свѣта. Намъ очень хотѣлось узнать что нибудь отъ него о правилахъ его ордена, но онъ такъ любилъ слушать какъ самъ говоритъ, что мы принуждены были оставить свои вопросы. Однако жъ онъ много распространя-

ся объ ученіи Календеровъ. Тотъ кто получитъ ударъ, никакъ не долженъ отвѣчать тѣмъ же, но сказать: *Да будетъ воля Божія.* Мы однако жъ замѣтили, что у всѣхъ Календеровъ былъ за поясомъ кинжалъ.

„Насъ подчивали превосходнымъ завтракомъ, составленнымъ изъ молока, фиников и пирожнаго; кофе и трубка также забыты не были и мы уѣхали отпуда, *въ восхищеніи отъ хорошаго пріема.*“

Мы пройдемъ скоро то мѣсто, въ которомъ сочинитель говоритъ о Вавилонѣ. Дикіе звѣри, кажется, овладѣли сими величественными развалинами.

Говорили, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были сады Семирамидины, есть деревья: это несправедливо. Только въ самомъ высокомъ мѣстѣ оныхъ есть одно дерево: кедръ, почти пяти Футовъ въ окружности. Хотя стволъ и сохнетъ, но вѣтви еще совсѣмъ живы и *наклоняются* къ земли какъ вѣтви плакучей ивы; во всемъ Ираке нѣтъ другаго подобнаго дерева, за исключеніемъ одного, которое находится въ Бассорѣ. Проводники нашихъ путешественниковъ увѣряли ихъ, что это дерево осталось въ Вавилонѣ для того, чтобы Али могъ привязать къ нему свою лошадь

послѣ сраженія Гиллигскаго. Неподалеку отъ сего дерева открыли они огромный отломокъ статуи изъ чернаго мрамора, изображавшій льва, лежащаго на человѣкѣ. Въ то время, когда Г. Ричи (Ritchie) посѣщалъ сіи мѣста, фигура человѣка была еще цѣла; съ тѣхъ поръ ее вѣрно сломали, потому что у нее не достаетъ головы.

Изъ Багдада Капитанъ Кеппель отправился въ Керманшахъ.

„Покуда мы собирались, говоритъ онъ, пришелъ къ намъ миссіонеръ Вольфъ; онъ возвращался изъ Алепа, совершивъ трудное и продолжительное путешествіе по пустынѣ, гдѣ много разъ подвергался опасностямъ и почиталъ себя счастливымъ, что встрѣтился съ Европейцами. Радость его при видѣ Европейцевъ была чрезвычайная. Онъ разсказалъ намъ свое путешествіе по Месопотаміи; не далеко отъ Мердина встрѣтилъ онъ Изидисовъ (Yzidis), которыхъ почитаютъ поклонниками дьявола. Вольфъ спросилъ у одного изъ нихъ, какой онъ вѣры: Я, отвѣчалъ онъ, принадлежу къ поколѣнію, которое молясь, не преклоняетъ ни головы ни ногъ. — Дьявола ли вы обожаете? — Мы не обожаемъ ничего, но не произносимъ никогда слова, которое вы сей часъ выговорили.“

Не доѣзжая до Керманшаха, наши Англичане подвергались опасности быть убиты Курдами, которые нѣсколько ночей выжидали случая, чтобы напасть на нихъ; но видя ихъ осторожность наконецъ отстали.

Въ Керманшахѣ, Капитанъ Кеппель видѣлъ похороны Мугаммеда-Али, старшаго сына Персидскаго Шаха, который былъ Правителемъ этой области, умеръ за два года предъ тѣмъ и по тамошнему обыкновенію похороненъ еще не былъ. Онъ пространно описываетъ эту печальную церемонію, при которой присутствовало множество народа, и слезъ и рыданій не жалѣли. Старшій сынъ и наслѣдникъ покойнаго казался болѣе всѣхъ огорченнымъ: глаза его были красны, слезы текли ручьями по щекамъ и все, по видимому, доказывало, его сыновнюю горячность. Между тѣмъ день окончился сценою непристойною. Съ захожденіемъ солнца конвой прибылъ въ Мехидехшъ. Князь сей велѣлъ очистить Каранвансарай и расположился въ немъ со своими приближенными. На другой день, устав пѣшь и пишь, онъ сѣлъ на лошадь и возвратился въ Керманшахъ. Сходя съ лошади Принцъ упалъ на руки людей своихъ и они внесли его въ

покои, потому что онъ отъ крѣпкихъ напитковъ лишился чувствъ. Знатнѣйшій человѣкъ, помогавшій ему пить, былъ Мулагей-Баши, который прежде смотрѣлъ за его воспитаніемъ, а теперь сдѣлался его товарищемъ въ попойкахъ. Этотъ человѣкъ днемъ, въ качествѣ духовнаго начальника, со слезами на глазахъ пѣлъ надгробныя молитвы по отцѣ, а ночью упѣвалъ сына Вакхическими приношеніями. Тотъ, кто сообщилъ нашимъ путешественникамъ эти подробности, пировалъ тутъ же; то былъ Сулейманъ-Ханъ, прекрасный молодой человѣкъ, котораго чрезвычайная горесть обратила на себя вниманіе Г. Кеппеля во время похоронъ. „Мы уже пообѣдали, говоритъ Капитанъ, когда онъ пришелъ къ намъ въ томъ же самомъ траурномъ платьѣ, въ которомъ былъ вчера; онъ описалъ намъ пирушку, при которой присутствовалъ и часто прерывалъ разсказъ свой громкимъ хохотомъ.“ Сулейманъ-Ханъ, прозванный *Корозонгиромъ*, начальникъ поколѣнія, состоящаго изъ двѣнадцати тысячъ Курдовъ, которыхъ собственно называютъ *Али-Иллаги*. Они обрѣзываются, но не почитаютъ этого священнымъ обрядомъ. Магометане гнушаются сими раскольни-

ками гораздо болѣе, нежели Христіанами и Жидами.

Хотя Сулеймань-Ханъ неограниченный властелинъ своего поколѣнія, но онъ также подверженъ превратностямъ, сколь обыкновеннымъ у Персидскаго двора. Ему не удалось взять одной крѣпости и Мугаммедъ-Али-Мирза осудилъ его на смерть; онъ избавленъ былъ отъ казни только по неотступной просьбѣ одного Французскаго офицера. Его однакожъ наказали бадогомъ, отъ чего онъ мѣсяца полтора пролежалъ въ постелѣ.

Англичане познакомились еще съ другимъ Персидскимъ придворнымъ, которой стоитъ того, чтобы поговорить о немъ: онъ называется Мула-Али, и родомъ Арабъ, хотя ходитъ въ Персидскомъ платьѣ. Этотъ человѣкъ крошкаго и ласковаго вида, знакомъ съ преступленіями всякаго рода. Онъ любитъ разсказывать гнусныя дѣла свои, какъ вещи весьма обыкновенныя и естественныя. Обхожденіе его весьма заманчиво; онъ обладаетъ въ высочайшей степени тою учтивостію, которою отличаются жители сихъ странъ. Никогда угрызенія заглушенной совѣсти не превожили сна его, онъ ни въ чемъ себя не упрекаетъ. За нѣсколько времени

передъ симъ онъ жилъ въ Мендали, Турецкомъ городѣ лежащемъ на самой границѣ. Находившись тогда въ пѣсной дружбѣ въ Довудомъ-Пашею, онъ былъ вѣрнымъ его клевретомъ, готовымъ на всѣ предписанныя ему убійства. Однажды, въ какой-то праздникъ, онъ созвалъ къ себѣ на пиръ шестнадцать человѣкъ, которыхъ ему хотѣлось сбыть съ рукъ; возлѣ каждаго изъ нихъ посадилъ по одному человѣку совершенно ему преданному и во время обѣда подалъ знакъ убить ихъ, вонзивъ самъ кинжалъ въ грудь своего сосѣда. Само собою разумѣется, что дружба между Мула-Аліемъ и Пашею была непродолжительна; эти два собрата въ преступленіяхъ скоро сдѣлались непримиримыми врагами. Семьдесятъ человѣкъ изъ семейства перваго содѣлались жертвою мщенія Паши. Отецъ его томился въ Багдадѣ въ оковахъ и за его собственную голову назначена цѣна. Но онъ не оставался въ долгу; ушелъ изъ Мендали со своимъ поколѣніемъ въ степь и началъ разбивать Турецкіе караваны, чтобы какъ можно болѣе, говоритъ онъ, порубить этихъ головъ въ тюрбанахъ. Женщины, когда онѣ встрѣчались, пощады также не получали; изверги сіи сначала насыщали надъ

ними гнусныя свои страсти и совершали такія дѣла, которыя къ счастію неизвѣстны въ Европѣ. Такъ какъ Англичане слушали разсказъ его со вниманіемъ, онъ подумалъ, что они принимаютъ въ немъ большое участіе и благодарилъ ихъ за это. Онъ разсказывалъ о своихъ намѣреніяхъ, пишетъ Г. Кепиель, съ удивительнымъ безстыдствомъ. Если бы Богъ предалъ Пашу въ мои руки, говорилъ онъ, то я бы съѣлъ его сердце и выпилъ его кровь. Однажды, видя, что его пистолеты украшены позолоченными гвоздиками, Англичане спросили его о причинѣ этого и узнали, что каждый гвоздикъ означалъ непріятеля, убитаго изъ этихъ пистолетовъ.

Мы не оставимъ города Керманшаха, не разсказавъ анекдота, который Г. Кепиель слышалъ отъ двухъ Французскихъ офицеровъ и который хорошо изображаетъ нравы сихъ варварскихъ странъ.

Нѣкто Гаспаръ-Ханъ, служившій при Персидскомъ дворѣ, по коммерческимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Керманшахъ, не задолго до смерти Мугаммеда-Али-Мирзы. Принцъ принялъ его весьма хорошо и показывалъ ему сады свои. Во время прогулки Его Высочество спросилъ его, не находитъ ли онъ въ

саду какого нибудь недостатка. Ханъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Ошибаешься, отвѣчалъ Принцъ, мнѣ надобно дерево, которое называется *Гаспардъ Ханомъ*, и сей часъ велю посадить его (*). Потомъ онъ прибавилъ: ты мнѣ вредилъ у Государя, приготовляйся къ смерти. Ханъ, однакожъ, выманилъ прощеніе, которое Мугаммедъ-Али даровалъ ему не столько изъ человѣколюбія, сколько изъ опасенія прогнѣвать отца.

Англичане наши выѣхали наконецъ изъ Керманшаха и прибыли въ Хамаданъ (древнюю Экбатану), гдѣ Правитель принялъ ихъ чрезвычайно ласково и помѣстилъ въ большомъ Каравансараѣ. Тутъ они разстались; одни отправились въ Курдистанскія горы, другіе въ Тегеранъ и Кеппель былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. Мы не послѣдуемъ за нимъ къ Персидскому Двору, но присоединимся опять къ нему на Русской землѣ; въ Баку на берегахъ Каспійскаго моря.

Баку имѣетъ весьма пріятное мѣстоположеніе на полуостровѣ Апшеронскомъ; это маленькой городъ, весь каменный. Онъ

(*) Въ Персіи есть ужасная казнь: человѣка зарываютъ живаго въ землю, головою внизъ, а ногами вверхъ.

окруженъ глубокимъ рвомъ и двойною каменною стѣною, которой часть разрушена въ 1823 году ужаснымъ ураганомъ, столь обыкновеннымъ въ сихъ странахъ, и отъ котораго и самый городъ получилъ свое названіе. Крыши на домахъ плоскія и покрытыя толстымъ слоемъ нефти. Тамъ есть Армянская церковь и двадцать старинныхъ мечетей, изъ которыхъ одне разваливаются, а другія передѣланы Русскими въ магазины. Русская церковь только одна. Базаръ малъ и тѣсенъ, но чистъ, какъ бы для того, чтобы составлять противоположность со всѣми другими Азіятскими рынками. Тамъ нѣтъ и тѣни растѣній. Вода почитается весьма здоровою: главное произведеніе сей страны есть нефть; она бываетъ двухъ родовъ: бѣлая и черная. Говорятъ, что есть колодцы, съ которыхъ добывается оной до 1,500 пудъ въ годъ. Привозные товары суть обыкновенный шелкъ и не большія произведенія Русскихъ фабрикъ. Жителей въ Баку 4000, и всѣ они Татары, за исключеніемъ нѣсколькихъ Армянъ. Гарнизонъ долженъ бы состоять изъ 500 человѣкъ, но смертность такъ велика между новобранными рекрутами, что въ немъ не больше половины комплекта.

Неподалеку отъ новаго Баку, былъ во времена Гвебровъ, городъ славный своими капищами. Множество молельщиковъ проходило туда ежегодно. Это стеченіе народа прекратилось только тогда, когда Греческій Императоръ Ираклій, во второмъ походѣ своемъ противъ Персіянъ, разорилъ капища Маговъ. Между тѣмъ священный огнь горитъ и понынѣ. Есть еще и теперь капище обожателей огня. Нашъ Авторъ захотѣлъ самъ осмотрѣть оное.

„6 Іюля рано поутру, говоритъ Г. Кеппель, я отправился въ путь съ моимъ человѣкомъ и съ Казакомъ. Я ѣхалъ къ сѣверо-востоку и проѣхавъ 16 миль, прибылъ въ конецъ полуострова Апшеронскаго къ горѣ, на которую мы взобрались. Съ вершины оной, я увидѣлъ храмъ, предметъ моего любопытства. Храмъ сей есть небольшое четвероугольное строеніе, окруженное пятистороннею стѣною, въ которой онъ занимаетъ почти самую средину. Три ступени, съ каждой стороны, ведутъ ко входу въ сіе зданіе. На полкѣ висятъ три колокола различной величины. Въ каждомъ углу стоитъ пустая колонна, выше зданія, и изъ вершины коей выходитъ большое пламя. Въ срединѣ горитъ

нефть, и внѣ капища есть также нѣсколько пылающихъ огней. Во внутренней части стѣны сдѣлано 19 келій, изъ коихъ въ каждой живетъ по молельщику. Первый изъ нихъ, котораго я видѣлъ, имѣлъ всѣ черты Индѣйца, остальные тоже; и между ними не было ни одного Персіянина. Многіе изъ нихъ готовили кушанья. Я очень забавлялся удивленіемъ, возбуждаемымъ въ нихъ тѣмъ, что я говорилъ по Индѣйски. Языкъ ихъ былъ такъ перемѣшанъ испорченными Татарскими словами, что я съ трудомъ понималъ ихъ. Отдавъ лошадь Казаку, которому войти не позволили, я пошелъ за однимъ изъ молельщиковъ, который повелъ меня въ келью, гдѣ я нашелъ человѣка, котораго тотчасъ призналъ за Брамина. Онъ молился, и какъ настоящій Индѣецъ не спускалъ глазъ со стѣны, не удостоивъ меня ни однимъ взглядомъ до тѣхъ поръ, пока не кончилъ своей молитвы; тогда только онъ сказалъ мнѣ, что очень радъ приходу моему въ его смиренное убѣжище и повелъ меня въ другія кельи, которыя всѣ были очень чисты. Въ одной изъ нихъ жилъ факиръ изъ касты Вираговъ: на немъ былъ только кусокъ холстины около бедръ и колпакъ изъ тигровой кожи на головѣ.

„Въ одномъ углу капища увидѣлъ я изображенія двухъ Индѣйскихъ божествъ, Вишну и Ганумана. Молельщикамъ, кажется, было весьма пріятно, что я зналъ боговъ ихъ. Между тѣмъ вошелъ другой Вирагъ, человѣкъ здоровый, хорошій собою и съ густою бородою. Онъ прикрывался только кускомъ грубой матеріи. Изображеніе Вишну было выколото на всемъ его тѣлѣ. Войдя въ капище, онъ распростерся предъ идоломъ; жрецъ влилъ ему въ руку нѣсколько капель масла; онъ проглотилъ часть оныхъ, а остальнымъ вымазалъ себѣ голову. Этотъ человѣкъ служилъ въ арміи Остиндской компаніи, во время Лорда Корнваллиса; только онъ одинъ здѣсь зналъ, что существуетъ на землѣ Англійскій народъ. Мнѣ сказывали, что молельщики смѣняются каждые два или три года; но *пинди* (pandit) или начальникъ остается тутъ во всю свою жизнь. О многдашнемъ своемъ панди отзывались они какъ о человѣкѣ чрезвычайно ученомъ и набожномъ. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы я съ нимъ поговорилъ, но келья его была заперта ключемъ, когда мы пришли къ ней, что значило, что онъ спитъ или молится. Изъ 19 собравшихся здѣсь молельщиковъ, было 6 Брамиповъ, 7 Виратовъ,

5 Сунапайевъ и 3 Іогиса (Yogis). Они хорошо отзывались о Русскихъ, но не щадили Мусульманъ. Они разсказывали, что Надиръ-Шахъ въ свое время жестоко обходился съ молельщиками; онъ приказывалъ сажать ихъ на колъ, предавъ сначала пыткамъ всякаго рода. Всѣ эти факиры были весьма обходительны, исключая одного изъ Вираговъ, который не захотѣлъ пойти со мною, говоря что это не его дѣло. Впрочемъ Вираги самой строгой жизни изъ всѣхъ Индѣйцевъ. За капищемъ есть колодезь, котораго вода насыщена нефтью. Одинъ изъ молельщиковъ прикрылъ на нѣсколько минутъ колодезь своимъ плащемъ, и просилъ насъ опоздать. Потомъ бросилъ туда зажженную солому и вдругъ раздался выстрѣлъ, какъ бы отъ взорванія пороховаго ящика — и явилось блестящее пламя. Меня уговаривали остаться до вечера, чтобы полюбоваться сіяніемъ всѣхъ этихъ огней въ темнотѣ; но желаніе ускорить мое возвращеніе преодолѣло во мнѣ любопытство. На возвратномъ пути, проѣхалъ я черезъ нѣсколько деревень, которыхъ жители занимаются собираніемъ нефти, и вечеромъ пріѣхалъ въ Баку.“

(*Окончаніе впредь*).

IV.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Описаніе путешествія, совершеннаго въ 1824 году, изъ Индіи въ Англію чрезъ Бассору, Багдадъ, развалины Вавилона, западные берега Каспійскаго моря, Астрахань и проч. и проч. Капитаномъ Жоржомъ Кеппелемъ. Лондонъ 1827.

(*Окончаніе*).

Пробывъ въ Баку три дня, Капитанъ Кеппель отправился въ городокъ Кубу. Онъ пріѣхалъ къ Казацкой станціи, гдѣ намѣревался завтракать. Начальникъ сей

станціи, который былъ въ числѣ Казаковъ приходившихъ въ 1815 году въ Парижъ, пригласилъ его къ себѣ завтракать. „Изъ множества испорченныхъ Французскихъ словъ, замѣнилъ я слово dejeuner (завтракать); услышавъ этотъ пріятный звукъ, я пошелъ за Казакомъ въ его хижину; она занимала пространство футовъ въ двѣнадцать квадратныхъ, свѣтъ проходилъ въ двѣ дыры черезъ листы бумаги, намазанной масломъ. Украшенія этого покоя были: висѣвшія по стѣнамъ мундиръ, сабля, и пара пистолетовъ; соломенный тюфякъ и сѣдло въ изголовьѣ служили этому офицеру постелью. Я ожидалъ, что жилище его должно быть плаково въ сей странѣ, но былъ въ совершенномъ отчаяніи, когда увидѣлъ, что весь его завтракъ состоялъ изъ куска чернаго хлѣба, воды почти мутной, трехъ огурцовъ, и куска соленой рыбы.“ Завтракъ кончился скоро и караванъ, продолжая путь свой, прибылъ въ Дербентъ.

Дербентъ, нынѣшній главный городъ Дагестана, стоитъ при развалинахъ древняго города Албаніи. Мѣстоположеніе его соотвѣтствуетъ мѣстоположенію Albania pilæ древнихъ. Стѣны, которыхъ древность несомнѣнна, видны съ вершины го-

ры и по прозрачности воды слѣды ихъ замѣтны далеко въ морѣ. Онѣ раздѣляютъ городъ на три части: самая высокая составляетъ квадратъ въ полмили и въ немъ находится цитадель. Городъ, собственно такъ называемый, лежитъ въ серединѣ; въ низшей части заключаются нѣсколько садовъ. Мнѣ показывали у моря фундаментъ дома, построеннаго *Петромъ Великимъ*, который пріѣзжалъ сюда вскорѣ послѣ того, какъ Русскіе взяли Дербентъ. Стѣны всего выше въ средней части города. Тамъ онѣ высотою болѣе 30 футовъ и при основаніи толщиною въ 20. Толщина сія постепенно уменьшается и составляетъ не болѣе 12 футовъ у вершины стѣны, гдѣ устроенъ парапетъ въ 3 фута шириною. Стѣны сіи состоятъ изъ большихъ обломковъ плоскаго камня темнаго цвѣта. Связывающій ихъ цементъ закрытъ узкою каменною полосою, которая вставляется вездѣ, между большими камнями. Шестьдесятъ бастіоновъ устроены на одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Русскіе недавно поправили ворота, *лежащія* къ сѣверу, которыя вѣроятно были болѣе прочихъ разрушены и украсили ихъ надписью на своемъ языкѣ. На другихъ воротахъ видна надпись, сдѣланная Хозроемъ, Коро-

лемъ Персидскимъ. Сей Государь такъ дорожилъ этимъ городомъ, что даровалъ Губернаторамъ онаго право сидѣть на золотомъ тронѣ; отъ чего городъ нѣкоторое время и заимствовалъ свое названіе. Ученые несогласны между собою въ мнѣніи о томъ, кто былъ первымъ основателемъ сихъ стѣнъ, хотя всѣ признаютъ чрезвычайную ихъ древность. Одни говорятъ, что онѣ построены Гогомъ и Магогомъ; другіе Александромъ Великимъ, хотя кажется невозможно, чтобы онъ доходилъ въ эту сторону такъ далеко. Иные утверждаютъ, что основатель сихъ стѣнъ былъ другой Александръ, живший нѣсколько столѣтій прежде героя Македонскаго. На Востокѣ вообще думаютъ, что стѣны сіи простирались сначала до Чернаго моря; Русскіе офицеры увѣряли меня что видѣли остатки оныхъ далеко на Кавказѣ; но Маіоръ Монтейтъ (Monteith), не смотря на всѣ свои изысканія, не нашелъ слѣдовъ ихъ во всей Грузіи. Всего вѣроятнѣе, что стѣна сія оканчивалась въ какомъ нибудь ущельѣ Кавказскихъ горъ и была построена для защиты отъ нападеній сѣверныхъ Татаръ. Въ новѣйшія времена Дербентъ былъ въ рукахъ Турокъ, Татаръ, Арабовъ, Персіянъ и Русскихъ. Сіи послѣдніе владѣютъ

имъ теперь во второй разъ. Жителей, не считая гарнизона, 12,000 человѣкъ, Армянъ, Грузинцевъ, Магометанъ, особенно Суннитской секты и Жидовъ. Говорятъ, что послѣднихъ очень много вдоль береговъ Кавказскаго моря и во внутреннихъ частяхъ Кавказа. Базаръ довольно хорошъ, но домы очень бѣдны. На югъ отъ Дербента есть большое пространство обработанной земли. Есть также сады, въ которыхъ растутъ во множествѣ разнаго рода плоды.

Г. Кеппель пообѣдалъ весьма пріятно у Русскаго Полковника, котораго жена знала по французски, и выѣхалъ изъ Дербента 12 Іюля.

„ 12 Іюля Персидскій слуга мой, узнавъ, что я опять отправляюсь въ путь, сказалъ мнѣ, что ни за что въ свѣтѣ не поѣдетъ далѣе. Я уже прiискалъ на его мѣсто другаго человѣка, который скоро и пришелъ: молодецъ фунтовъ шести ростомъ, съ черными глазами, орлинымъ носомъ и усами, закрывавшими все лицо. Костюмъ его былъ Лезгинскій: на головѣ узкая шапка изъ мѣха одного цвѣта съ его усами; платье изъ голубой матеріи, до колѣнъ, на груди родъ патронташа. Около пояса былъ у него узкой поясъ, къ которому

привязывалось ружье, огниво и маленькая трубка, прекрасный кинжалъ, пара пистолетовъ и Ташарскій кнутъ; на ногахъ родъ сандалій привязанныхъ ремнями, которые доходили до колѣнъ. Эту обувь употребляютъ горцы въ Персіи и Курдистанѣ, также и на хребтѣ Кавказскомъ. Описывая экипировку моего Лезгинца, я забылъ весьма важную вещь: бутылку Русскаго вина, единственное прибѣжище его отъ голода, жажды и усталости. Свободное обхожденіе со мною этого человѣка составляло совершенную противоположность съ почтительностію, къ которой пріучилъ меня его предмѣстникъ.

„Я ему сказалъ, что до пріѣзда въ Кизляръ, ему надобно будетъ быть безпрерывно на ногахъ и спать очень не много; онъ отвѣчалъ, что совсѣмъ не будетъ спать и сдержалъ свое слово.“

Отъ одной Казацкой станціи до другой Капитанъ Кеппель проѣхалъ верхомъ населенную провинцію, принадлежащую Шамъ-Халю. Нынѣшній представитель сей фамиліи, хотя лишенный власти Русскими, сохранилъ однако же свое имя съ чиномъ Генералъ-Лейтенанта. Главный городъ сего округа есть Тарки. Но Шамъ-Халь живетъ въ деревнѣ, расположенной

на склонѣ холма и ошкуда прекраснѣйшій видъ простираешся на горы, покрытыя густымъ лѣсомъ и долины, орошаемыя прозрачными ключами. „Лезгинецъ мой шакъ возбудилъ мое любопытство, что я своротилъ съ дороги, чтобы посмотрѣть на Шамъ-Хали. У меня было рекомендательное письмо отъ Дербентскаго Коммендантa, почему я и надѣялся, что меня позовутъ обѣдать, тѣмъ болѣе, что при исчисленіи отличительныхъ качествъ Шамъ-Хали, слуга мой всегда выхвалялъ его гостепріимство. Но въ этомъ потомкѣ царственной фамиліи, въ которой каждый членъ имѣлъ счастливую способность съѣдать за обѣдомъ цѣлаго барана, нашелъ я только рыжебородаго Татарина, котораго угрюмый видъ скоро разрушилъ всю мою надежду на обѣдъ. Свиданіе наше было очень непродолжительно. Это былъ первый неучтивый Мусульманинъ, котораго я видѣлъ. Я тотчасъ опять сѣлъ на лошадь и разстался съ нимъ также не церемонно, какъ онъ меня принялъ. На другой день, въ четыре часа поутру прибылъ я въ Тарки.“ Тарки, въ которомъ есть Русскій гарнизонъ, стоитъ на половинѣ дороги между Дербентомъ и Кизлярoмъ: авторъ нашъ тутъ нѣсколько часовъ отдыхалъ.

20-го числа прибылъ онъ въ Кизляръ. Здѣсь окончилъ онъ свое путешествіе верхомъ. Кизляръ послѣдняя Казацкая станція: тутъ уже можно достать экипажъ до самаго Санктпетербурга. Чтобы ѣхать какъ можно скорѣе, Г. Кеппель взялъ подорожную; но Комендантъ не хотѣлъ отпустить его безъ человѣка, который бы могъ отвѣчать за его безопасность. „Мнѣ совѣстно было требовать, чтобы Лезгинецъ мой слѣдовалъ за мною далѣе; я обѣщалъ награду тому, кто захочетъ ѣхать со мною до Астрахани и скоро явился молодой Жидъ, съ которымъ мы тотчасъ уговорились (*).

(*) Капитанъ Кеппель разсказываетъ, что этотъ Жидъ былъ изъ одной деревни на берегахъ Терека, откуда сестра его, прелестная дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, была увезена Татарами, которые воруютъ дѣтей и которые продали ее Мусульманскому купцу, живущему въ Кизлярѣ. Бѣдный Жидъ, напрасно стараясь выхлопотать свободу сестрѣ своей, обратился къ самому купцу; сей послѣдній согласился не жениться на ней два года и возвратить ее, если до того времени онъ заплатитъ извѣстную сумму. Срокъ уже приближался когда Г. Кеппель принялъ Жида къ себѣ въ услуженіе и деньги, данныя нашимъ путешественникомъ были достаточны для выкупа сестры его.

При самомъ выѣздѣ изъ Кизлярскихъ предмѣстій, вступаешь уже въ большую Астраханскую степь. Дорога довольно хороша. Тутъ не видно ни души, кромѣ почтовыхъ смотрителей и ихъ людей; но зимою 2/4 семейства приходятъ кочевать по этой степи, а лѣтомъ уходятъ на разные отростки Кавказскихъ горъ. Ямы содержатъ иногда Казаки, иногда Калмыки: противоположность сихъ двухъ народовъ весьма занимательна. На одной станціи везетъ васъ Русской съ густыми волосами, длинною бородою, въ Европейской шляпѣ; на другой кучеръ вашъ Калмыкъ съ бритою головою безъ бороды, въ желтой шапкѣ и красныхъ сапогахъ. Но кто бы ямщикъ ни былъ, онъ всегда бережетъ кнутъ свой. Какъ скоро лошади пойдутъ по рыси, онъ запоетъ пѣсню, которая подобно пѣнію Орфея, такъ прельщаетъ лошадей, что онѣ почтаъ побѣгутъ скорѣе.

Капитанъ прибылъ въ Астрахань 23 Іюля. „Послѣ не большой остановки въ таможнѣ, намъ позволили ѣхать куда хотѣли. Жидъ мой, который не давно вышелъ изъ своей Терской деревни и долженъ думать, что Кизляръ величайшій изъ городовъ, такъ былъ удивленъ видомъ

Астрахани и множествомъ народа на улицахъ, что не могъ выговорить ни слова и предоставилъ мнѣ самому искать дорогу. Кизлярскій купецъ говорилъ мнѣ объ Англійскомъ трактирѣ, называемомъ Kiani Firing; я долго повторялъ эти слова и наконецъ мнѣ показали большой домъ, у дверей коего увидѣлъ я краснащекаго мальчика, у котораго была такая Англійская физіогномія, что я сей часъ заговорилъ съ нимъ на этомъ языкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ сынъ Г. Глена, и что домъ сей принадлежитъ Шотландской Миссіи. Едва я оправился отъ радости что слышалъ драгоцѣнные звуки моего отечества, какъ вышла пригожая мать ребенка и просила войти и жить въ ихъ семействѣ пока пробуду въ Астрахани. Я позавтракалъ и тотчасъ всѣ начали молиться. Общество состояло изъ двадцати человѣкъ. Сначала пѣли псалмы: потомъ Миссіонеръ прочелъ краснорѣчивую молитву ко Всевышнему, въ которую включилъ благодареніе за мое благополучное прибытіе и избавленіе отъ многихъ опасностей. Я не помню, чтобы когда нибудь былъ проникнутъ столь глубокимъ благоговѣніемъ, какъ въ тотъ разъ.

„ 28 Іюля Г. Гленъ повелъ меня на одну изъ главныхъ ловель, принадлежащихъ богатому Астраханскому купцу Г. Сапожникову. Намъ надобно было проѣхать три версты; но гребцами нашими были 10 человѣкъ здоровыхъ Калмыковъ, и потому мы пріѣхали очень скоро. Рыболовня сія называется Кармажинскою. Въ деревнѣ отъ оной зависящей, живутъ около 600 душъ. Тутъ употребляютъ 100 лодокъ, по два человѣка въ каждой; одинъ изъ нихъ, и обыкновенно женщина, гребетъ а другой ловитъ рыбу. Инструменты для сего употребляемые суть молошокъ и крюкъ. У каждаго рыбака нѣсколько лѣсъ; на каждой лѣсѣ 50 удокъ разставленныхъ въ равномъ разстояніи одна отъ другой. Погружаясь въ воду почти на дутъ, они держатся привязанными къ нимъ кусочкамъ дерева. Осетры обыкновенно плаваютъ у самой поверхности воды и въ большомъ числѣ вмѣстѣ. Попавъ на уду, они барахтаясь зацѣпляются за нѣсколько другихъ. Тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ, лодки отвалили отъ берега; всякой рыбакъ взялъ съ собою лѣсы. Когда рыба схватитъ, ее тотчасъ припаскиваютъ крюкомъ въ лодку и бьютъ молошкомъ по головѣ, и потомъ отцѣпивши отъ другихъ удъ кладутъ въ лодку.

Эта часть рыбной ловли чрезвычайно пріятна. Со всѣхъ сторонъ слышишь шумъ воды, возвѣщающій поимку какого нибудь огромнаго воднаго жителя. Когда мы уже устали смотрѣть какъ ловятъ рыбу, насъ пригласили въ большой деревянный домъ на самомъ берегу Волги; тамъ прикащикъ записывалъ пойманную рыбу. За каждую назначено по 70 копѣекъ. Въ это утро поймали 4 бѣлуги, 110 осетровъ, 9 севрюгъ, и множество стерляди, рода небольшаго осетра, которая однако жъ не входитъ въ счетъ, хотя вкусѣе всѣхъ прочихъ. Стерляди узнаются по зацѣпку у рта. Эта рыба особенно принадлежитъ Волгѣ, хотя ловится въ небольшомъ числѣ и въ Дону. Бѣлуга рыба большая: одна изъ пойманныхъ въ это утро была вѣсомъ въ 4 пуда. У севрюги очень длинная голова. Есть еще большая черная рыба, называемая *сомъ* (silurus) чрезвычайно жадная: она нападаетъ въ водѣ на человѣка. Голову большихъ сомовъ не продаютъ, потому что никто кромѣ Калмыковъ ее не ѣстъ. Нѣсколько человѣкъ вытаскивали рыбу изъ лодки и раскладывали по берегу. Голову сей часъ отдѣляютъ; изъ яицъ дѣлаютъ икру а изъ внутренности клей и ихъ кладутъ особо; потомъ тѣло пластаютъ, моютъ

въ резерпуарѣ воды и прячутъ въ большой магазейнъ, въ которомъ всегда содержатъ свѣжесть; наконецъ бросаютъ на рыбу нѣсколько горсшей соли и этимъ оканчивается все приготовленіе. Что касается до внутренностей, то ихъ разстелютъ на доскахъ или свертываютъ около круглыхъ палочекъ. Въ то же время икру собираютъ въ ведра и потомъ кладутъ въ родъ сита, которое по нѣскольку разъ впускаютъ въ котелъ, чтобы отдѣлить жилочки связывающія яица. Послѣ того поливаютъ ее разсоломъ, и помѣшавъ все вмѣстѣ минутъ двадцать лопатками, воду сливаютъ, а икру складываютъ въ мѣшки, которые плотно сжимаютъ досками; и икра готова. Такимъ образомъ часа въ три рыба поймана, убита, посолена, клей сдѣланъ и приготовленъ къ продажѣ, а икра посолена и завернута для отправленія. Рыбная ловля и слѣдующія за нею работы производятся два раза въ день. Зимою назначаютъ на рѣкѣ особое мѣсто. Когда ледъ уже довольно толстъ, рыбаки съ разныхъ тонь собираются и проламывая ледъ спавятъ въ прорубяхъ сѣти: черезъ два дня вся рыба въ нихъ уже переловлена. Г. Сапожниковъ береть эти тони на откупъ у Князя Куракина и платитъ за это 450,000 рублей въ годъ.

Въ хорош-й годъ бываетъ 300,000 чистаго барыша. Возлѣ Кармажинской шони есть еще 29 другихъ.

Выѣзжая изъ Астрахани, Авторъ нашъ былъ вымоченъ дождемъ въ первый разъ по все время своего продолжительнаго путешествія. Мы не послѣдуемъ за нимъ далѣе. Страны, которыя онъ послѣ переѣзжалъ, слишкомъ уже извѣстны и потому мы не почитаемъ нужнымъ разсказывать о нихъ нашимъ читателямъ.

— *ов*

Конецъ тридцатой части.